Евгения Головня- Денис Молчанов, сотрудник аппарата правительства РФ. 2010.

Е.Г. Денис, один коллега в своё время назвал Щекочихина “разгребатель грязи”. Якобы это итальянский термин. У нас существует такой - “разгребатель грязи”?

Д.М. Я никогда не слышал такого термина, но в какой-то степени, в хорошем смысле, к Юре, конечно, это можно применить. Хотя, слово "грязь" и имя Юра – они совершенно между собой не сочетаются, потому что это был, наверное, самый чистый человек из всех, кого я когда-либо знал. Очень чистый, очень наивный, и при всём при этом, как журналист, очень въедливый, очень профессиональный, и если он в какую-то тему вцеплялся, его ни в чём было уже не разубудить.

Е.Г. Вы же моложе его. Как вы встретились, как выстраивались отношения?

Д.М. Ну, я думаю, что такое, как я, может рассказать каждый человек, который его когда-либо знал. Несмотря на то, что, моей точки зрения, в то время особенно, разница между нами в возрасте была такая достаточно значительная, он всегда требовал, чтобы его называли только на ты. Это не было никогда отношение ученика и учителя, конечно же, я его воспринимаю как учителя, безусловно. Но если бы он это услышал, он бы сказал мне всё, что он думает по этому поводу. Он требовал, чтобы отношения были исключительно дружеские, абсолютно равные. Он одинаково не терпел как панибратства, так и того, когда на него смотрели снизу вверх. То есть вот, ну вот такой уникальный человек.

Е.Г.Многие говорят, что у Юры было такое количество друзей, что понять, кто друг, кто враг, было невозможно, что он был неразборчив в приобретении друзей. Вот что вы скажете?

Д.М.Он очень быстро в людей влюблялся. Вот буквально влюблялся, и если он увлекался каким-то человеком, ты понимал, что вот у него пошла тема этого человека там на несколько месяцев. До тех пор, пока очередной друг не делал какую-нибудь гадость. Такое, да, такое было. Он, повторяю, он был настолько сам внутренне чистым человеком, что не мог заподозрить какое-то пятнышко в каком-то другом человеке, и всегда очень удивлялся, как же так с ним поступили.

Е.Г.Сскажите, вот вы верите в то, что его убили?

Д.М. Верю. Верю. Вся его жизнь, она, плохим журналистским языком выражаясь, так на острие прошла, хотя он всегда очень смеялся над опасностью, и сам он не очень верил в то, что у кого-то поднимется рука, потому что я помню, вот там в какой-то очередной острый момент, ему друзья, конечно, не государство, друзья предоставили охрану. За ним ходили два здоровых молодых человека на протяжении нескольких месяцев. В конце концов, он от них отказался по одной простой причине, потому что пропал аппетит. Он говорит: "Ты знаешь, я не могу уже больше, простите, я больше не могу их кормить". Он к ним относился как к, ну, к детям своим, - тепло ли они одеты, вот он сидит где-то на встрече, они что, на улице должны быть? Ну пусть они пройдут вот здесь, поедят чего-нибудь. Они чуть ли не дома у него ночевали. Если у него не было дружеских отношений с человеком, ему с этим человеком было проще не общаться вообще. Я не знаю людей, с которыми были у него ну чисто деловые отношения. Он всегда их превращал в дружбу.

Е.Г. Его решение пойти в политику, практически во власть, чем было мотивировано при таком характере?

Д.М. Вы знаете, ну это логикой нашей жизни было продиктовано, с моей точки зрения. Потому что в какой-то момент, уже так на излёте девяностых, в середине девяностых, стало понятно, что журналистика той роли, которая ей предназначается, не выполняет. Раньше, даже в советские времена, печатное слово было важно. Если ты пробил свою статью в газете, если она вышла, да ещё если это в "Правде" или в "Известиях", ну можно быть на сто процентов уверенным, что меры будут приняты, и что-то в нашей жизни изменится. Как вы знаете, в середине, особенно в конце девяностых, этого уже не происходило. Ты мог самые страшные вещи говорить, и писать, и с доказательствами, но реакции не было вообще никакой. И, конечно, в такой ситуации, ну зачем биться головой о стену? Тогда давайте идти во власть, тогда давайте сделаем что-нибудь сами, своими руками. Не будем просить у кого-нибудь помощи, а сами что-то сделаем. Я думаю, этим это было продиктовано.

Е.Г. Он выбрал "Яблоко". Но насколько я знаю, что потом в "Яблоке" он сказал: "Извините, что я прежде всего журналист, потом представитель "Яблока".

Д.М.Ну, этот вот период его жизни мне меньше знаком. Я знаю, что его связывали дружеские отношения с Лукиным Владимиром Петровичем, конечно же. Ну, они были действительно близкие дружеские отношения. С

Явлинским не знаю, но я думаю, что они тоже с уважением друг к другу относились. И это тоже был выбор дружбы. Вот он верит Лукину, знает Болдырева, доверяет Явлинскому. Ну почему не "Яблоко"? Я

Е.Г. Поход во власть сильно изменил его в человеческом плане?

Д.М. Я думаю, что внутренне совершенно нет. Он остался таким же, какой был: очень резким в суждениях, он никогда не мог простить вот даже малейшую какую-то фальшь в человеке. Другое дело, что он, конечно же, стал к людям приглядываться. Я вот такого взгляда в нём раньше, в журналистскую его жизнь, не замечал. Вот как когда он стал больше бывать в парламенте, и как бы окунулся в то, что называется, реальная политика, конечно же, он стал более осторожным. Но, повторяю, внутренне- нет; Помню, он уже работал в Думе, а я ушёл в администрацию президента работать, и была единственная наша ссора в жизн. А мы сколько лет мы с ним дружили, до самой его смерти. Был такой эпизод, что вроде бы обычная вещь, вот сейчас кому-то рассказать, никто даже не поймёт, в чём дело. У меня был день рождения, и я собрал людей, в которыми работал, у себя в кабинете. Ну как бывает, выпить по бокалу шампанского, мне сказали какие-то слова, все разошлись, а там на следующий день или через два дня я уже собрал родственников и друзей на даче. Ну, обычное дело. Вот, вроде бы делают все, все так. Естественно, где родственники, друзья, там, безусловно, был Юра. Замечательно отметили день рождения, всё было очень весело. Проходит где-то неделя, то ли мы с ним встречаемся. И меня начинают называть такими словами, которые я, честно говоря, думаю, что не заслужил. Я понять ничего не могу, в чём дело. Говорит: "Как ты мог?" - "Что я мог?" - "Как ты, как ты мог сделать два дня рождения?". Вот у тебя получается, для друзей одно, а для работы другое? Или ты нас стесняешься? Потом мы встретились, он извинился, сказал, что да, наверное, погорячился, был неправ, видимо, кто-то ему что-то как-то так сказал. Ну, два дня рождения, один в кабинете, другой там где-то дома. Но даже это для него выглядело фальшью, потому что он никогда не делал различия между друзьями на работе и друзьями в жизни. Для него друзья были все. Все те люди, с которыми он общается, это были друзья. Либо он с ними не общался, о чём я уже говорил.

В Переделкино у него были самые разные люди, которые, если бы не оказались у Юры на даче, не повернули бы головы в сторону друг друга. А тут они были вынуждены каким-то образом общаться, сидеть за общим столом. Самые разные люди, диаметрально противоположные. И, кстати, я думаю, что, почему он пошел в политику… тогда же политика была гораздо

ближе к людям. А, вот на этой даче, за этими расшатанными столами, деревянными, кое-как сколоченными, сидели, по-моему, все члены гайдаровского правительства в своё время, там руководство, администрация. То есть, ну как-то это всё было чуть более взаимопроникаемо.

Е.Г. В одной из своих последних статей он написал, что сегодня уже журналисту недостаточно знать только факт, что нужно уметь проникать в смысл происходящего, ну, скажем, под другим углом. Это значило, что журналист и политик – уже равнозначные вещи?

Д.М. Ну, я думаю, что журналисту всегда недостаточно знать только факты. Конечно же, нужно знать полную картину, самое главное - почему это происходит. А, но, мне кажется, несмотря на то, что он не переставал писать до самого последнего дня, определённое разочарование у него было. Вспомните, вот когда вышел "Лев прыгнул", это была сенсация всесоюзного масштаба. Об этом говорили там не одну неделю. Ну просто вся страна, многомиллионная страна, говорила об этом. У него и после "Льва" выходили очень серьёзные публикации, но резонанса-то такого не было. Потому что наша жизнь стала состоять уже из таких вещей, что на статьи журналиста-расследователя стали меньше обращать внимание. Но не знаю, по большому счёту, боюсь, что я скажу, наверное, слишком резко, - но в моём представлении, Юра был, может быть, первым и даже последним журналистом-расследователем в истории нашей журналистики. Потому что то, что происходит сейчас под видом расследовательской журналистики, конечно же, не то что расследовательской, а просто журналистикой не является. Ну это обычные сливы. Если ты видишь статью, острую, с фактами, и про коррупцию что-нибудь такое, - в принципе, немного ума нужно, чтобы догадаться, в чьих она интересах, скажем так, онапоявиоась. Не хочу никого обидеть, не дай бог. Есть честные журналисты, безусловно. Но в целом, в целом, ты всегда знаешь, кому это выгодно. А представить себе, чтобы Юра взял у кого-то деньги за публикацию, невозможно. Угрозы были. Ну, я помню, как в его кабинет в "Литературной газете", когда он занимался «Мостом», приходил Гусинский с охранниками. Юра настоял на том, чтобы мы присутствовали все при этом разговоре. Он сказал, что у него нет секретов от сотрудников. Там были прямые угрозы в его адрес. Такое было. Сейчас представить себе вот такую встречу, ну, может быть, я чего-то не знаю, уже давно не работаю в журналистике, но представить себе не могу.

Е.Г. Приведу одну из фраз Юры: “зачем мне столько информации, если я ничего не могу сделать”. Можно сказать, что сейчас журналистика, уже как бы вот та, о которой вы говорите, в которой вы начинали, практически умерла?

Д.М.Ну, вы знаете, мне бы не хотелось сделать какие-то обобщения, потому что, у самых, вроде бы, очевидных явлений есть какие-то исключения. Повторяю, есть честные люди, есть честные журналисты, которые стараются что-то сделать. Но в целом, мы не можем этого не замечать. Исчезла школа. Причём можно что угодно говорить о советской школе журналистики, но это, безусловно, был ну просто великая журналистская школа. Она очень сильно отличается от того, что делают в Европе, там в Америке, в Азии. Ну профессия стала другой. Я не знаю, я бы вот сейчас, наверное, не пошёл бы на журфак. Не имею в виду журфак МГУ, это мой любимый факультет, мой любимый университет, и всё там знакомое и родное. Но вот я бы сейчас не хотел связать свою жизнь с журналистикой.

Е.Г. Скажите, пожалуйста, осознанно ли Юра мог идти на гибель? Стоит ли журналисту и политику отдавать жизнь за истину?

Д.М. Ну, это вопрос, конечно, обращённый скорее к Юре, потому что только сам человек может сказать, за что он готов отдать свою жизнь. Вы понимаете, Юра был очень, человеком чистым и наивным, но он никогда не был идиотом. Сказать, что он сознательно шёл на гибель? Он хотел жить. Он хотел жить, у него прекрасные дети, он хотел увидеть, как они взрослеют, он хотел увидеть внуков, он всего этого очень хотел и желал. Я думаю, что, он по большому счёту понимал, какое значение он имеет в этом мире, и журналистском, и вообще в целом в нашей стране. Я думаю, что он не думал, что у кого-то поднимется рука. Вот он до конца этого не осознавал. Он был совершенно, в хорошем смысле, безбашенным человеком, отчаянно смелым. Но я не думаю, что он всерьёз допускал возможность своей гибели.

Е.Г. Но он боялся. Вот свидетель – я сама была у него незадолго до гибели, и видела, что он боится, он говорил об этом.

Д.М. Повторю, в последнее время, я чуть меньше с ним общался, и не знаю подноготной той ситуации, в которой он оказался, которая, на мой взгляд, привела к его насильственной смерти. Меня не было в стране в этот момент, но то, как мне рассказывали, как Юра умирал, - ну понятно, что ни от какой болезни так не умирают. Он, наверное, не скажу “боялся”, он, наверное, чего-то опасался, наверное, он был осторожен, но он, такой человек, как Юра, не мог верить в то, что он когда-нибудь умрёт. Так, ну, не в его характере.

Е.Г. Вы верите , что дело, его дело несколько раз открывали-закрывали, оно найдет убийцу? Есть ли смысл в этом? Вы верите в то, что это возможно?

Д.М. Нет, ну смысл, безусловно, есть. Конечно же, мы должны знать правду. И не только те люди, которые знали и любили Юру, но я думаю, что это очень важно для всего нашего общества. Поэтому это абсолютно совершенно необходимо.

Е.Г. Но прошло столько лет…

Д.М. Вы знаете, может быть, это такой неправильное, фривольное сравнение, я не так давно читал статью, серьёзное расследование, якобы научное, мне трудно судить: “Кто и почему убил Тутанхамона”. Там несколько тысяч лет прошло. Ну, есть доказательства, проломленный череп у этого девятнадцатилетнего фараона был. Ну, в общем, там как-то восстановили, реконструировали события. Учитывая сегодняшние технологии, уровень знаний человечества, я думаю, что можно, нужно только захотеть. То, что нет особого желания у кого-то, тоже допускаю. Все люди живы, здравствуют, всё у них хорошо, ну зачем копаться.

Е.Г. Ввозможно в сегодняшней среде вот молодёжи, вот у молодых журналистов, появление равнозначной фигуры, в молодом поколении?

Д.М. Я думаю, что нет. Ну, я бы так сказал: у меня нет оснований думать, что это сейчас кому-то могло бы быть интересно. Я могу ошибаться, я бы хотел ошибаться, но вот то, как я думаю, я говорю.

Е.Г. Юра очень тяготил, вы знаете, к молодёжи. Он вообще как бы человек без возраста. Вот сегодняшняя молодёжь, она по степени заинтересованности в жизни страны, может сравниться с вашим поколением или с Юриным поколением?

Д.М. Ну, по степени, наверное, да. А по возможностям, понимаете, мы же застали, я в чуть более юном возрасте, Юра в более зрелом, мы застали совершенно уникальный период в жизни нашей страны. Такого не было до тех пор, и я думаю, уже больше не повторится. Это были вот эти там лет двадцать, наверное, там с 85-го по 2005 год. Я не хочу давать никаких оценок, но это было время, когда каждый поверил в то, что мы можем повлиять на судьбу своей страны. Каждый на своём месте. Кто-то в журналистике, кто-то в политике. И это было очень мощным стимулом для работы. Ну, может быть,

просто с годами я к этому стал относиться по-другому. Но вот сейчас в сегодняшней жизни, конечно же, такого потенциала не вижу. Может быть, это и хорошо, может быть, да, действительно, жизнь стала спокойнее. И поэтому те годы, которые я вот вспоминаю, естественно, как прекрасное время – вот девяностые годы лично для меня, для того, что я делал в профессии, вспоминаю, с какими людьми я имел счастье общаться, это были счастливые годы для меня. Ну вот сейчас их называют лихими, страшными, бандитскими, какими угодно. Ну видите, мы их так смотрим, ну значит, это хорошо, что они прошли. Значит, то время, в котором мы живём сейчас, это лучше, чем тогда.

Е.Г. Мы недавно снимали для олного фильма молодых ребят. Все хотят, как они говорят, свалить. Вот как вы считаете, эта тенденция молодежи “свалить”- это что?

Д.М. Дело же не в том, свалить или не свалить. Дело в том, свалить зачем? Я в своё время тоже учился в Америке, ещё это было на излёте Советского Союза, была специальная обменная программа, я был студентом МГУ, и вот мы поехали в Америку, но мы почти все вернулись. Не все, но кто-то вернулся. Если ты едешь за знаниями, за учёбой, - вернешься, потому что, знаете, Россия – удивительная страна, она же не отпускает. Если тебе два года или три года, ты, наверное, можешь «свалить» так, чтобы не вспоминать никогда, да, ни эту землю, ни этот воздух, ни берёзки, ну, вот всё, что связано с понятием Родина. А в более сознательном возрасте, когда ты молодой человек, даже когда тебе 15-18-20 лет, уехать навсегда ты отсюда не сможешь. Ты уже здесь, твой менталитет, твои корни, твои родители, всё проросло здесь. Поэтому уехать навсегда не получается ни у кого. Это другой вопрос. Можно уехать, но частлив он не будешь никогда. Поэтому, повторяю, ничего страшного в том, чтобы уехать, там учиться, возвращаться, уезжать куда-то на работу, периодически возвращаться, в Москву или в любой другой российский город, ничего в этом страшного не вижу. Нужно просто понимать, что эта страна тебя никогда навсегда не отпустит.

Е.Г. Сейчас мы снимали одноклассников Димы Щекочихина. Хорошие ребята, очень много и музыкантов там, поют на английском про революцию в России. Я говорю: "Почему на английском?" - "Мы выросли в тот период, когда у нас не было своей культуры", - сказали они. И цель их, как бы, творчества, и всего - перемены. Какие - не знают.

Вот как вы считаете, можно считать это поколение немножко растерявшимся?

Д.М. Вы знаете, вот все эти разговоры про потерянное, растерянное, какое угодно поколение, всё это такое переливание, на мой взгляд, из пустого в порожнее. Потому что каждое поколение в какой-то момент, ну это просто генетически в каждом человеке заложено, оно в какой-то момент ощущает, что оно растерялось, оно не понимает, и ощупью находит свой путь в жизни. Как мы находили, так и они будут находить. И ничего в этом страшного нет. И точно так же считать будут растерянным поколением своих внуков и правнуков. Это то, что двигает жизнь. Абсолютно ничего страшного нет. Ну поют они на английском, потом на русском будут петь. Мы в нашей стране как-то выживали, и снова выживем.

Е.Г. Все хотят перемен, но никто не знает каких. Как вы считаете, куда мы движемся?

Д.М.Видимо, к переменам, пока не знаю каким. Это же хорошо, когда мы не знаем, какие перемены нам нужны. Было же хуже, когда мы знали, что вот нам нужно срочно отменить шестую статью в Конституции – это была действительно большая проблема, да. “Мы не хотим ГКЧП”, вот вокруг Белого дома мы баррикады возводили, боролись за демократию. Причём была прямая явная угроза. Я помню прекрасно, я вот только вернулся с учёбы из Америки, и буквально через неделю у нас случился путч. Я работал тогда в "Комсомольской правде", и было действительно страшно. Вот ты сидишь в этом Белом доме, ждёшь, когда танки пойдут через этот мост. Всё это случилось не в 91-м году, а в 93-м. Но тогда-то мы не знали, что ничего не будет, было реально страшно. Сейчас, на мой взгляд, таких угроз нет, поэтому стремление любого молодого человека к каким-то переменам нормально. Он всегда считает, что родители жили плохо, бабушки с дедушки ещё хуже, а вот он-то заслужил какого-то там такого счастья. Но то, что этот запрос не сформулирован, говорит о том, что в нашей стране многое изменилось и не в худшую сторону.

Е.Г. А могло поколение Щекочихина, которое… ну, я говорю с точки зрения, скажем, большинства зрителей… могло поколение Щекочихина в чём-то ошибаться?Совершать какие-то ошибки в движении вперёд к сегодняшнему дню?

Д.М. Не ошибается только тот, кто ничего не делает, знаете, я не оригинален в этом. А те люди, которые обвиняют вас в том, что вы выбрали пепси, а что бы они сделали на вашем месте? Ну выбрали бы они кока-колу. Там выбор-то был, извините меня, небольшой. Каждый, делает ошибки, которые ему отмерены на его веку. И совсем не факт, что наше поколение сделало больше ошибок, чем они бы сделали на нашем месте. Ну давайте поменяемся, и тогда посмотрим. Посмотрим, сколько они здесь ещё наворочают. Поэтому не надо быть такими категоричными.

Е.Г. Юра дал одно интервью, которое тоже прошло мало кем замеченное, которое называлось "Грусть несовершенного". Я думаю, какие-то предчувствия были. И он перечисляет, что он не совершил. Вот как вы считаете, что было им начато, но недосовершено?

Д.М. Я знаю, что Юра очень хотел создать школу расследовательской журналистики. Он действительно очень любил заниматься молодёжью, ему очень нравилось, когда то, во что верит он, переходило к тем ребятам молодым, вот к нам, да, с которыми он работал. Но у него, в силу того, что время тогда было такое, очень бурлящее, просто, наверное, времени не хватило. В результате он действительно ушёл и в политику, и как-то вот первый отдел расследований, который он основал в "Литературной газете", как-то люди разошлись по своим интересам, каждый сейчас работает в какой-то своей сфере. То есть школы не получилось. Мне кажется, что как журналист, он может как угодно строго к себе относиться, но он сделал больше, чем мог бы любой другой человек на его месте. Он дал возможность поверить в то, что такое в нашей стране возможно. Вот возможно абсолютно незамутнённое, чистое желание рассказать правду. В этом Юра, конечно, абсолютно уникальный человек. А то, что школа не получилась, ну, в этом не его вина, я думаю… Сколько бы Юре сейчас было лет? Да, наверное, он был бы несколько более спокоен, чем в те годы, чем двадцать лет назад. Может быть, он нашёл бы время, чтобы набрать молодых ребят и поднимать школу журналистики, в том числе и расследовательской журналистики в нашей стране. Но, видите, не довелось, и это колоссальная трагедия.

Е.Г. Сейчас существует такое мнение, что гласность на тот период была вредна. Вот сейчас выплёскивают все. Вы сами сказали, сливы. Как вы считаете, гласность тогда и сегодня, вот сегодняшняя гласность – не переросла она вообще во вседозволенность?

Д.М. Ну, вечный спор. Я категорически не считаю, что гласность может быть вредной. Другое дело, что у любого средства массовой информации и у государства, у которого есть свои средства массовой информации, может быть не так много, но они есть, должна быть информационная политика. То, что её сейчас нет или не хватает, или она не выстроена должным образом, приводит к трагическим результатам. Я не знаю, когда будет выходить ваш фильм, но события последних дней в Москве с этими подростковыми самоубийствами… я считаю, что огромная часть вины лежит и на средствах массовой информации, которые смакуют подробности гибели этих несчастных девочек и мальчиков. Если бы у нас с этого не начинались выпуски новостей, если бы дотошно в подробностях не рассказывали, как они пришли к этому решению, не показывали бы, я не знаю, те, прости господи, способы и методы, которыми они ушли из жизни, я думаю, что может быть, это и не была бы цепь самоубийств. Может быть, дело бы ограничилось одной-двумя трагедиями. Когда люди понимают, что, вынося на первую полосу или начиная с этого выпуск новостей, они поднимают себе рейтинги или повышают расценки за рекламные площади, вот, опять же, не хочу никого обвинять, но это наша общая беда и такая проблема. Тогда возникает вопрос, конечно, зачем такая вседозволенность нужна. Но к гласности это не имеет никакого отношения. Народ должен знать, тут нет никаких вопросов.

Е.Г. То есть что должна быть цензура или самоцензура?

Д.М. Вы понимаете, у нас цех должен саморегулироваться. Невозможно ждать от государства, да это совершенно не нужно и было бы вредно, чтобы, как в советские времена, у нас был Главлит, и вот “залитовал” материал. Но, понимаете, есть цензура, а есть бюро проверки. Ну у нас сейчас… назовите мне газеты, где бюро проверки есть. Я помню, как пришёл когда работать в "Комсомольскую правду" в середине восьмидесятых годов, ну, ты не мог написать, что, “как известно, валовый национальный продукт США составляет столько-то”, до тех пор, пока во всех энциклопедиях бабушки не порыщутся и не найдут подтверждение этой цифры, никогда в жизни твой материал не выйдет. Ну это, это частный случай, это такая фактура. Но повторяю, должен быть какой-то писаный или неписаный свод правил у самих журналистов, в конце концов, ну зачем существуют все эти наши союзы замечательные, ну все эти этические комиссии? Ну, это же для чего-то нужно? Или только для того, чтобы у тебя корочка была в кармане? Но то, что этим не должно заниматься государство, совершенно точно. Тогда бы это

привело к цензуре. Надо сказать, к чести нашего государства, да, у нас нет никаких вот таких вот инструкций по поводу того, что можно, чего нельзя.

Е.Г. Ну может существовать информация, которая не должна быть доведена до широкого уха?

Д.М. Ну только если она составляет государственную тайну. А всё остальное…Ну государственную тайну или, извините меня, личную жизнь. Потому что, опять же, то, что сейчас появляется, особенно в Интернете, это за гранью добра и зла, конечно. Какая-то охрана личной жизни должна быть. Если человек не хочет рассказывать что-то о своей семье, родных, детях – это его личное, это его право.

Е.Г. У Юры тоже в одной из статей было, что он, когда он рассуждал о человеке и государстве, он написал, что сами люди – главные противники свободы, что в народе существует стремление к сильной руке. Вот как вы это прокомментируете? Действительно наш народ стремится или это не так?

Д.М. Вы знаете, не моя мысль, где-то не так давно прочитал. Когда мы говорим о том, что народ хочет сильной руки, нельзя забывать, что народ хочет сильной руки для чиновников, для самого себя народ сильной руки не хочет. Он хочет, чтобы остановился вот этот вот беспредел, который безусловно есть. Я как чиновник говорю: да, конечно, вот чиновничество, оно давит. Когда мы призываем к сильной руке – это наведите порядок, ну уже хватит, уже невозможно, уже нужно что-то с этим делать. Тогда да. А я не замечал, ну, по крайней мере, среди моих знакомых нет желающих ощутить на себе такую крепкую сталинскую руку. Нет, спасибо, мы этого наелись за последние сто лет.

Е.Г.Ну вот сталинистов сейчас становится больше.

Д.М. Мне кажется, их становится меньше, может быть, я чего-то не знаю… Мне кажется, что их становится меньше, и слава богу. Вот только Сталина не хватало бы.

Не то что мы с вами мало знаем, но вообще в принципе об истории очень мало рассказывается, история очень мало интересует. Я столкнулся не так давно с тем, что молодые люди, ну уже знаете, такие осознанные молодые люди, они с трудом вспоминают, кто такой Ельцин, например, был. А это

было вот только что. Или это для меня уже только что, потому что я с ним работал, да. Но даже наша самая недавняя история - это уже такая тьма веков. Это как Алексей Михайлович, Пётр Первый, что-то там “смутное время”, там вот где-то так. Вот девяностые и смутное время – в сознании молодых это приблизительно одного порядка вещи.

Е.Г.Интересно, что и среди молодых журналистов есть люди, которые напрягаются, когда говоришь о Щекочихине. Просто напрягаются.

Д.М. А это плохое образование, понимаете… А то, что Юру должны преподавать на журфаках – это абсолютно точно.

Е.Г. Портрет висит у студентов третьего курса. Долго соображают…

– Мало ли, какой портрет висит: то ли Ломоносов, то ли женщина какая-то. Мы же не знаем, да. Плохо преподают, преподают плохо, конечно.

Е.Г. И последний вопрос. Юра говорил, что “левацкая” молодежь – это катализатор чудовищных событий. Есть ли сегодня какой-то посыл бояться?

–Д.М. Посыл бояться левацкой молодежи? Сама по себе левацкая молодежь, она ничуть не более не опасна, чем в любое другое время в истории нашей страны или в мировой истории. Другое дело – в чьих интересах. То, что, конечно, сейчас есть желающие использовать вот эту достаточно мощную силу, интересы которой, на мой взгляд, принесут много страданий нашему государству – безусловно есть. Сам по себе молоток – он лежит и лежит. Вопрос, кто его возьмет в руки и по чему ударит.

е